Мнение

Mangret Bennickoro

B naptoberoù run xere « Omer. zanucor 17 za 1842 norbured znamenitoù noun grot benneroro « Педан 77 — прочив Мевирева. Он произвел потрасающее внегочиение на литерацирную общественность и явшея последней причиной разрыва методу западниками и славянофилами.

Мнение

Корпорация совести

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В «Назировском архиве» мы собираем письменные и устные свидетельства о Р. Г. Назирове его современников. Собственно, эта работа началась ещё до основания журнала, первые мемуарные заметки вышли в 2009 году в «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Тогда своими воспоминаниями поделились А. А. Илюшин¹, М. С. Рыбина, С. С. Шаулов и автор этих строк. Затем с появлением специализированного журнала работа пошла систематичнее: на его страницах появились интервью с А. Л. Осповатом, С. С. Шауловым, Д. И. Зубаревым, В. Б. Катаевым, с сыновьями и несколькими студентами Назирова, опубликованы мемуарные тексты С. В. Белова, П. Валтакари, Е. А. Выналек, Л. А. Каракуц-Бородиной, Г. И. Лобановой, М. А. Тупеева и др.

Это важная часть миссии сохранения памяти о Назирове— не только как об учёном, но и как о человеке, личности. Личности, как мы знаем благодаря этим же воспоминаниям, весьма нетривиально повлиявшей на становление многих людей— как студентов филологического факультета, так и просто юношей и девушек за пределами университета². Но в университете харизма Назирова проявлялась сильнее всего: это такое специальное учреждение, где собираются молодые умы в период своего формирования, а авторитет профессора играет роль своего рода направляющих линий в процессе этого формирования.

Мы благодарны всем людям, которые нашли возможность, силы и время откликнуться на нашу просьбу. Нет сомнений в том, что помимо существенного вклада в работу над научной биографией Назирова, они совершили просто большой по-человечески прекрасный поступок, послужив делу памяти, а это, должно быть, самое главное гуманитарное дело из всех, что бывают на нашем веку.

Ho сегодня мне хотелось бы поговорить как раз о тех, кто не согласился вспоминать Назирова.

Да, были и такие. Больше того, были те, кто, согласившись, через короткое время менял своё мнение и отказывался. И что кажется совсем немыслимым, среди таких были

 $^{^1}$ Илюшин А. А. Из воспоминаний о Р. Г. Назирова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2 (42). С. 146 – 150.

^{150.} 2 Например, в газете, см. воспоминания Ю. М. Шуганова: Шуганов Ю. М. Две исповеди. Уфа, 2013, стр. 4–7, 13, 16, 17.

прямые ученики Назирова — те, кто писал под его руководством дипломы и кандидатские диссертации.

В этой деликатной теме следует сделать несколько важных оговорок.

Оговорка первая. Ромэн Гафанович, безусловно, не был ангелом во плоти. У коллег могли быть на него обиды, которые мешали бы вспоминать о Назирове по-доброму. Хотя смерть и уже порядочная временная дистанция должны искупить всё, тем не менее, нельзя исключать, что кому-то помешал погрузиться в мемуары принцип aut bene aut nihil. Принцип этот был в данном случае только механизмом самоцензуры для вспоминающего, поскольку наш журнал никогда никого и ни в чём не ограничивал, достаточно посмотреть на резкость формулировок Э. Фениной в реальном комментарии к рассказу Назирова в первом номере журнала¹.

Но вряд ли такого рода самоцензуру можно представить в отношении учеников. О своих учениках Назиров заботился, выбивал им рабочие места, защищал от нападок. Вероятно, помимо личных склонностей характера, это была ещё и школа его научного руководителя в аспирантуре профессора А. Н. Соколова².

Вот как обнаруженный в архиве документ рассказывает историю хлопот Назирова о своей ученице Л. А. Пермяковой, в 2017 году сперва согласившейся на биографическое интервью об учителе, а затем через три месяца отказавшейся от своих слов без объяснения причин.

Это черновик отчёта заведующего о кафедральной работе за 1995—1996 учебный год³. В разделе «Научная работа кафедры» Назиров пишет: «В мае 1996 г. в новооткрытом специализированном совете БашГУ по защите кандидатских диссертаций защитилась Л. А. Пермякова с работой "Сакрализация женственности в прозе русского символизма" (научн. руководитель — Р. Г. Назиров). Это была первая защита канд. дисс. по русской лит-ре в Башкирском университете. Надо отметить, что Л. А. Пермякова, начав работу в составе кафедры с 5 декабря 1995 г., выполнила 560 часов учебной нагрузки. Следует поставить вопрос перед администрацией о том, чтобы труд Л. А. Пермяковой был должным образом оценён, отмечен благодарностью. Главное — сохранить Л. А. Пермякову в штате БашГУ».

 $^{^1}$ Фенина Э. <Реальный комментарий к рассказу Р. Г. Назирова «После выставки»> // Назировский архив. 2013. № 1. С. 113 – 115.

 $^{^2}$ См. воспоминания В. Б. Катаева: Интервью с д. ф. н. заведующим кафедрой истории русской литературы МГУ В. Б. Катаевым // Назировский архив. 2019. № 3. С. 85-91.

³АРГН, д. 21, л. 20180307 102603.

В нае 1996г. в новосткрытом специализирс-выписи совете БашГУ по рус защите кандидат ских диссертации Защитилать Л. А. Першякова е работой ок Сакрализация менственности в прозе русского символизиат (научи. руководикль - Р.Г. Нагиров). Это была первая защита канд диск. по русской лит-ре в Башкирском упиверситете. Надо отметить, что Л. А. Першякова, патав работу в составе каредри с Баскоря 1952., выполнила 5 со часов учебной нагружиля Следует поставить вопрос перед администрацией о том, чтобы труд Л. А. Першяковой был доминым образом оценём, отмечен быгодарностью. Тисьмес-сохранить Л. А. Пермякову в штате БашГУ. Эта

Трудно представить, что после этого Л. А. Пермякову заставили изменить мнение относительно интервью какие-то соображения, связанные с фигурой самого Назирова. Очевидно, что его бережное отношение к ученице должно было сформировать совершенно другой эмоциональный фон.

Честно говоря, при таком отношении Назирова мне представляются ничтожными любые препятствующие интервью соображения, чувство благодарности должно было все их заслонить. Но в случае с Л. А. Пермяковой такого, к сожалению, не произошло.

Оговорка вторая. Потенциальных мемуаристов может смущать моя личная неоднозначная репутация. Публикацией наследия Назирова я систематически занимаюсь с 2008 года, и за это время стал объектом разного рода слухов и претензий.

Поначалу, как мне известно, коллективное бессознательное тревожилось, что я стану при публикации выдавать за свои архивные работы ученого. Не знаю, жив ли этот слух сейчас, но перечень моих научных работ¹, вопиюще ортогональный научным интересам Назирова, сам свидетельствует об абсурдности этого сценария. Ни стиховедение, ни digital humanities, ни лексическая типология Ромэна Гафановича никогда не интересовали.

Затем коллеги из БашГУ усмотрели в том, что я имею доступ к архиву, смутные (возможно, смутными они представляются только мне) криминальные импликации. Дело дошло до того, что поползли какие-то абсурдные слухи: сотрудники бывшей кафедры Назирова якобы отправились жаловаться на меня и С. С. Шаулова ректору университета, который, однако, их порыва не поддержал. В самом деле, что бы ректор мог в этой ситуации предпринять, если вообразить, что такая интеракция и правда имела место? Публикация архива в тот момент организационно от университета никак не зависела. Зато нас в работе с архивом поддержала вдова Р. Г. Назирова Т. Н. Барышникова, за что мы с С. С. Шауловым ей бесконечно благодарны.

 $^{^{1} \}rm http://nevmen and r.net/bo.php$

Кто-то, возможно, был огорчён моей (корректней всё же сказать: «нашей с С. С. Шауловым», но здесь я ни в коей мере не хотел бы такой сомнительной для коллеги инклюзией бросить тень на репутацию С. С. Шаулова) монополией на доступ к архиву. В то же время никакой политики изоляции я никогда не проводил, и все, кто хотел, получали интересовавшие их материалы для публикации. В результате в нашем журнале вовсе не сотрудниками редакции были подготовлены такие материалы, как «История Польши» (М. О. Садыкова) и «Несколько слов о знаменитом Набокове» (Л. А. Каракуц-Бородина).

Кроме того, общественное мнение подозревало, что работа с архивом Назирова может быть успешно монетизирована и стать источником неправедного дохода для моей коварной персоны. Как это было бы возможно, я не представляю совершенно. Такой коммерческий подход, как мне кажется, принципиально неосуществим по той же причине, по которой в чьих-то головах могла возникнуть мысль о нём. Причина эта состоит в том, что в Уфе сильно переоценивают известность и авторитет Назирова в профессиональном сообществе. На самом деле, востребованность его работ настолько локальна, что мы столкнулись с серьёзными проблемами в наполнении редакционного портфеля. Словом, никаких денег за работу над публикацией и популяризацией трудов Назирова я никогда не видел, а своих средств, заработанных другими способами, вложил столько, что уже давно перестал их считать.

Наконец, я посмел честно высказаться о поделке, которую коллеги из БашГУ представили под видом книги с названием «Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова» 1, что, разумеется, добавило моему образу красок, рисующих меня анфан териблем.

Словом, причин обижаться на меня у людей, включённых в филологическое сообщество, множество. Только вот память о Ромэне Гафановиче здесь при чём? Журнал «Назировский архив» — более-менее единственное место, где можно подробно рассказать о своём учителе. Как так вышло, что этой возможностью можно было пренебречь, исходя из каких-то сиюминутных соображений? Для этого, скажем так, нужно было бы иметь очень своеобразные отношения с этикой.

Сходным с тем, как повела себя Л. А. Пермякова, образом поступили и писавший у Назирова диплом (ныне сотрудник МИДа) Дмитрий Михайлов, и защитившая под руководством Назирова кандидатскую диссертацию Е. В. Леготина (Шишкина). Особенно некрасивое впечатление произвел Михайлов, сначала согласившийся дать интервью, а затем целый год морочивший мне голову, не давая явного отказа и игнорируя мои напоминания.

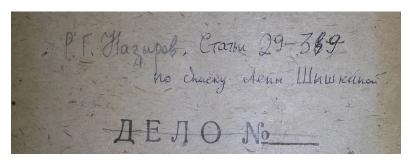
Крайне неприятен и поступок Е. В. Леготиной, в распоряжении которой теперь находится библиотека Р. Г. Назирова. Из-за отсутствия у исследователей доступа к описанной

²2014. № 2.

 $^{^32014.} N_{\underline{0}} 3.$

 $^{^{1}}$ Орехов Б. В. Рец. на: Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход // Назировский архив. 2014. № 4. С. 167 – 174.

библиотеке невозможно решить (а иногда и поставить) многие концептуальные вопросы относительно творчества Назирова. Но и помимо этого к Е. В. Леготиной у биографов Назирова много вопросов. Одно из дел в архиве озаглавлено «Статьи ... по списку Лены Шишкиной». Очевидно, что выяснение этиологии этого документа могло бы раскрыть многие интересные частности в научной стратегии литературоведа. Интересно было бы задать какие-то вопросы, касающиеся механизмов работы Назирова над диссертацией подопечного: как аспиранту с профессором мне с Назировым взаимодействовать не довелось, так что воспоминания Е. В. Леготиной были бы крайне ценны. Увы, мы их не увидим. В том же 2017 году, согласившаяся на интервью за полгода до этого Е. В. Леготина, дезавуировала свое согласие без объяснения причин.

Тут следует сказать, что главный удар по своей репутации я нанёс сам уже после этих отказов в августе 2018 года. В этот момент в 45-м номере журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» вышел коллективный проект «Филологический факультет Урало-Поволжья», где были представлены воспоминания бывших студентов об учебе в Уфе, Ульяновске, Самаре, Екатеринбурге и Челябинске. То, что написал в своих воспоминаниях я¹, понравилось не всем.

Рассказывают, что моим текстом особенно сильно возмущалась бывший преподаватель БашГУ Людмила Реакатовна Першина. Это примечательный факт: к моменту начала моей учёбы на филологическом факультете БашГУ Л. Р. Першина там уже не работала, в тексте она не упоминается, так что личных причин оскорбиться у неё нет. Думаю, здесь нельзя подобрать другого объяснения: эмоциональная реакция Людмилы Реакатовны вызвана чувством корпоративной солидарности. Она обиделась за других людей, которых она воспринимает как часть своего профессионального цеха.

Но вот в чём штука. Незадолго до публикации моего мемуара Л. Р. Першина сама же и отказалась от принципов корпорации, отрицательно ответив на просьбу о воспоминаниях о Назирове для нашего журнала. Она не была учеником Назирова, ничем не была ему обязана, и имела на свой отказ полное человеческое право. Единственное, на чём держался долг Людмилы Реакатовны перед Назировым, это то, что они принадлежали к одной корпорации. Но Л. Р. Першина своё право на отказ реализовала. Только вот реализовав право

 $^{^{1}} http://nevmen and r.net/dkx/pdf/n45-122-134.pdf$

человеческое, она потеряла моральное право критиковать меня, отталкиваясь от соображений корпоративной солидарности. Цеховое единство распространяется не только на упомянутых мной преподавателей филфака, но и на Назирова, в копилку памяти о котором Л. Р. Першина свой вклад сделать не пожелала.

От тех, кто оставил воспоминания о Назирове, я благодарно приму любую критику моих воспоминаний об учёбе в университете. От тех, кто не стал писать воспоминаний о Назирове, такая критика представляется мне мелочным лицемерием. Сначала всё же стоит делом подтвердить свою преданность корпорации, а уже потом кого-то (например, меня) шельмовать её именем.

Итак, этот раздел в нашем журнале называется «Мнение». Моё мнение в том, что те, кто отказался писать о Назирове, поступили не по совести. В первую голову это касается, само собой, учеников, диссертантов и дипломников Назирова. В моей системе ценностей нет такого противовеса, который бы не позволил отдать должное своему научному руководителю. Особенно если учитывать, что гораздо более авторитетные (в том числе и в этике) и гораздо менее обязанные Назирову персоны А. Л. Осповат и В. Б. Катаев давать интервью нашему журналу не брезговали.